

Анюта Соколова

Арин

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
С59

Соколова А.

С59 Арин / А. Соколова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. – 282 с.

ISBN 978-5-517-11787-8

Люди и итлунги существуют вместе уже тысячу лет, но мир между ними хрупок. Арин не ищет приключений, довольна своей жизнью и скромными магическими способностями. Но она не может пройти мимо, когда на её глазах совершается страшное преступление. Так девушка против воли втягивается в события куда более серьёзные, чем борьба за власть между кланами итлунгов. Теперь только от неё зависит, вспыхнет ли война, исполнится ли Последнее Пророчество, или ей по силам изменить мир – и измениться самой.

BIC FM
BISAC FICO27030

© Анюта Соколова, текст, 2024

© Майя Фантазёрка

(Мастерская Фантазёрки), обложка, 2024

© RUGRAM, 2024

ISBN 978-5-517-11787-8 © Т8 Издательские технологии, 2024

*Сказка, навеянная чарующим светом,
проникающим через листья,
мягким мхом под ногами,
запахами трав
и тишиной
леса*

Иногда прошлое внезапно, без всякой причины и без предупреждения накатывает на меня, словно могучая волна, и перед глазами всплывает одна и та же картина, врезавшаяся в память навсегда. Я вижу крышу своего дома, покрытую потемневшей от времени бурой черепицей, старые яблони нашего сада, гнущиеся под тяжестью спеющих плодов, поля, залитые утренним светом, серебристо поблёскивающую змейку реки за ними и над всем этим — тёмную полосу Леса вдалеке. Всё, как оно выглядело в *тот* день ранней осени, когда я мимолётно оглянулась на бегу. В день, положивший начало всему.

Тогда *тот* день ещё не был *тем*. Скорее, это был на редкость неудачно задавшийся денёк. Я поссорилась с отцом и нагрубила Лоте. И ведь я, хоть подчас и бываю излишне резка на слово, отнюдь не грубиянка, ничего подобного, отца обожаю и к Лоте, при всех её капризах, отношусь как к младшей сестре. Но если мой папочка в разгар сбора урожая, порой острой нехватки рабочих рук на всех хуторах, как бы между прочим, предлагает мне прокатиться в Ские на ярмарку...

Однако, всё по порядку.

Мой отец, Хэск, — крупнейший землевладелец Скируэна. Вся земля в округе, видимая взглядом с верхушки самого высокого дерева, и продолжение её, не различимое ни с какой высоты, принадлежит ему. Я его единственная дочь и наследница. Моя мама умерла, едва повивальная бабка приняла меня на руки, двадцать девять лет тому назад, из чего легко можно сделать вывод о количестве прожитых мной лет. Отец у меня необыкновенный. Ни один из наших соседей не способен взглянуть на него сверху вниз. И не только из-за его роста, но и вследствие уважения, испытываемого к нему. Он может одной рукой остановить разъярённого быка и согнуть железный прут толщиной в палец. С соседних хуторов всегда посылают за ним в надежде услышать справедливый совет. Но я не помню, чтобы хотя бы раз отец повысил голос или применил силу при решении спора. Как бы я ни шлодила в детстве (а проказничала я немало, уж поверьте), самым ужасным наказанием было укоризненное покачивание головой.

Наш хутор расположен прямо на границе обитаемых земель. Дальше нас только Мердэн, Лес без конца и края. Когда люди впервые появились в Авэндуме, Лес с любопытством рассматривал их с высоты вековых деревьев, и поныне стоящих там же, где и во времена Переселения. Люди обжиwali новые места, и он доброжелательно кивал им ветвями. Теперь мы привыкли называть этот мир своим домом, но Лес — он всё тот же, неизменный, величественный и прекрасный, каким был в те времена, когда Авендумом владели итаунги.

Не представляю, как, родившись в Мердене, можно не прирасти к нему всем сердцем и стремиться куда-то ещё. Ни разу, став самостоятельной, я не задумывалась о том, чтобы покинуть родные места. Грызая и терзая науки в школе Ские, ближайшем к нам городке, я скучала по нашему безлюдью,

по тишине Мердена, по Лесу. Когда бродила по нему, мне казалось, что сейчас меня окликнут герои легенд и я перенесусь во времена Лиэйрала и королевы Ифэнны.

Говорят, земли вокруг Эрлинга, столицы Авендума, претерпели значительные изменения за тысячу лет с момента Переселения. Скируэн менялся мало и неохотно. Мерден же остался таким, каким его увидели люди, приведённые в новый мир Лиэйралем.

Положение дочери богатейшего земледельца не избавляет от участи всех хуторянок: подъём с первыми петухами, кухня, хлопоты по дому и обязательное участие во всех работах, что идут на полях, в саду и огороде. Белоручкой и неженкой не вырастешь. Да и к богатству своему относишься без спесивого носозади́рательства. До определённого возраста я и вовсе не придавала ему значения. Вот когда во всём Скируэне ко мне не посватался только ленивый, в полной мере осознала тяжесть отцовского наследства. Последнего из таких женишков я полгода назад собственноручно спустила с крыльца, на прощание веником выбив из него пыль (и дурь, надеюсь!). Ишь, нашли лёгкий способ преуспеть, не прилагая усилий! Будто я не знаю истинной причины их скоропостижно возникших чувств! Причины, увы, единственной — потому что другой просто быть не может.

Во всех легендах дочь лорда (главы рода, старейшины клана, разбогатевшего торговца — смотри по тексту), кроме обладания половиной королевства, ещё и прекрасна, словно волшебный сон. Жизнь не похожа на сказочные предания. Я некрасива. И лёгкость, с которой говорю об этом сейчас, вовсе не означает, что когда-то не восставала против этой суровой истины всем нежным девичьим сердцем, охочим до преклонения, любви и ухаживаний. Потом поняла: или я смирюсь с действительностью, или продолжу сама отравлять себе жизнь. «Не родись красивой, а родись счастли-

вой», — частенько повторяла Неда, моя дорогая няня, пытаясь меня утешить. Неда была стара и обладала мудростью, свойственной её возрасту, но вначале, после каждого сватавшегося ко мне бездельника, рассматривающего меня в качестве досадного обременения своего обеспеченного будущего, я втайне часами ревела в подушку и старательно обходила зеркалѧ. Вот только люди — существа выносливые. Пережив разочарование, мне удалось обрести душевное равновесие. Теперь, когда я здороваюсь со своим отражением, вижу смуглую невысокую женщину, с волосами цвета прошлогодних листьев и насмешливым взглядом серо-голубых глаз. Она спокойна и уверена в себе. И пусть всё, чему полагается быть округлым, угловато, а остальное, наоборот, чересчур широко, пусть нос далѧк от утончѧнной формы, щѧки впалы, а подбородок заострѧн, — это не мешает ей быть довольной своей жизнью. Я больше не боюсь глядеть в зеркало. Оно уже не преподнесѧт мне сюрпризов.

Но отец — всегда отец. Он не верит, что его дочь удовлетворится участью старой девы. Ему позарез необходимо устроить её семейное счастье и лицезреть полчища орущих и ползающих внучат. Ради этого он готов на всё. Даже отпустить дочь в период сбора урожая на ежегодную ярмарку в Ские, куда съедется весь окрестный люд и множество народу издалека. Вдруг среди прихорошившихся ради такого случая парней окажется некто, с кем строптивая дурнушка согласится связать свою унылую одинокую жизнь?!

Конечно, отец не сказал это прямо. Просто предложил «развлечься». Но я-то понимаю, что в разгар страды, когда наши работники, Нйре и Кйни, едва справляются, а во всѧм Скируѧне днѧм с огнѧм не найдѧшь незанятого человека и все торопятся закончить работы до первых заморозков, предлагать мне провести недельку-другую в Ские можно только из жалости за несложившуюся судьбу дочери.

Больше всего на свете ненавижу, когда меня начинают жалеть. Я вспыхнула, словно сухая солома, и немедленно высказала отцу всё, что думаю о замужестве, ярмарках, девицах, бегающих в поисках мужей, и тех, кто полагает, будто меня хоть сколечко интересует подобное. Если бы отец на этом и остановился! Но нет, ему нужно было сделать вид, что он вовсе не подразумевал ничего подобного!

Я швырнула тряпку, которой домывала пол, так, что грязные брызги полетели во все стороны, и выскочила из дома не разбирая дороги. Нёльма, старая, толстая, ленивая псина, о которую меня угораздило споткнуться, с визгом шарахнулась в сторону, как от зачумлённой. Лота, важно гулявшая по двору, округлила и без того огромные глаза, подскочила ко мне и участливо спросила:

— Поругалась, да?

Ценой невероятных усилий мне удалось сдержаться. Лоте семнадцать лет, она чиста, простодушна, доверчива и прекрасна, словно в ней течёт часть итлунгской крови. Полгода назад её с тёткой, единственных оставшихся в живых после пожара на их хуторе, взял к себе отец. Для удобства я зову Лоту сестрой, хоть и родня мы настолько дальняя, что, начиная выяснять, кто кем кому приходится, запутываешься ещё больше. Фйда, её заботливая тётя, почтенная чопорная дама средних лет, благоговееет перед отцом и смотрит на меня с немым порицанием всякий раз, когда я проявляю свой крутой нрав. Лота же мила настолько, что, думаю, ей недолго осталось скучать в девичестве в нашем доме. Такое личико, как у неё, воспевают в стихах и изображают на картинках: водопад блестящих пшеничных локонов, пухлые губки бантиком, румяные бархатные щёчки и ярко-голубые кроткие глаза. У всего этого великолепия есть только один тайный недостаток, но, если она молчит, вряд ли о нём догадаешься. Сейчас она, к сожалению, не мочала.

— Арин, когда ты едешь в Ские? Я с тобой, ладно? На ярмарку приезжают аж из Эрлингга! Какие они привезут платья! Представляешь, по последней столичной моде!

Нет, я не представляла. Зато горела желанием узнать, откуда эти сведения про Ские.

— Твой отец вчера говорил с тётёй. О том, что у тебя утомлённый вид и что хорошо бы тебе немного развлечься...

— В следующий раз, когда будете решать, что для меня лучше, сделайте одолжение, поставьте в известность! Я никуда не собираюсь! Так что забудь про новые тряпки, или пусть отец сам везёт тебя на ярмарку! — возмущённо рявкнула я.

Прекрасные глаза Лоты вмиг наполнились слезами. Ещё с детства вид чужих слёз всегда вызывал у меня смутение. Я оттолкнула её и помчалась прочь. Вдоль поля, через узенький мостик, выгнувшийся, словно ластящийся кот, спину над речкой Быстринкой. Туда, где растянулась тёмная лента Леса. Где никто меня не найдёт и не полезет со своей жалостью.

Лес ласково обволок меня мягкой приятной прохладой и чуткой тишиной. Лёгкая тень, падающая на тропинку, стелилась под ноги, будто кружевная шаль. У развилки я перевела дух. Где-то высоко нежно и звонко пропела невидимая птица, резные листья окари чуть качнулись, когда она взлетела. Я замедлила шаг. Здесь мне были знакомы каждый изгиб холма, каждое дерево и каждая травинка, я могла бы ходить тут с закрытыми глазами, не боясь заблудиться. Вот выступающий из земли валун, наполовину покрытый пышным бархатным мхом, на котором я частенько засиживалась с очередной книгой, без спроса одолженной у Неды. Вот поляна, заросшая глинёей, огненно-алыми цветами со сладким, дурманящим запахом, где я не раз валялась, мечтая о всякой ерунде. Крохотное кристально чистое озерцо с яркими блестящими камушками на дне, окружённое гибкими ридвари, которые склоняются до самой воды, купая свои